

Ли Жун полагал, что когда он лично разоблачит ложь Цзянь Вэйдэ, тот испытает стыд, гнев или неловкость.

В конце концов, профессор когда-то твердо заявлял, будто это Институт «Хунсо» опубликовал статью Ли Цинли. После того как правда выплыла наружу, это признание стало несмываемым пятном на его репутации. Даже те, кто знал истину и помалкивал в лицо, наверняка за глаза насмеялись над его мнимой добродетелью. А Ли Байшоу и ему подобные не упускали случая лишний раз задеть оппонента, нанося серьезный урон авторитету профессора.

Однако Цзянь Вэйдэ, оправившись от первого потрясения, вдруг подался вперед. Он крепко вцепился в руки Ли Жуна, его дряблая кожа мелко дрожала.

— Ты сам всё подготовил? — его голос сорвался, полнясь неверием. — Но почему ты? Твой отец учил тебя этому раньше? Или он оставил тебе какие-то наработки? Ты был обычным школьником, как ты мог структурировать такую статью?! Как ты вообще прошел рецензирование в журнале «С нуля»?

Вопросы посыпались из него градом, один за другим, так быстро, что он едва не начал задыхаться.

На самом деле, когда после инцидента с пропажей жесткого диска всплыло имя Сюй Вэя, Цзянь Вэйдэ догадывался, что за всем этим стоит чей-то расчет. Но тогда он склонялся к мысли, что именно Сюй Вэй систематизировал гипотезу и потому побоялся возвращаться в страну после скандала. Конечно, Сюй Вэй, находясь за границей, яростно доказывал по видеосвязи, что ничего не публиковал тайком, но в сложившейся ситуации ему никто не верил.

Кроме него, просто некому было иметь одновременно доступ к рукописям и достаточный уровень компетенции для публикации.

Пальцы Цзянь Вэйдэ сжимались слишком сильно, причиняя Ли Жуну боль. Юноша нахмурился и спокойно посмотрел профессору в лицо. Его взгляд был невозмутимым, даже тень едва уловимой насмешки исчезла, из-за чего расспросы Цзянь Вэйдэ внезапно показались бессмысленными и жалкими.

Истина лежала на поверхности, и иного объяснения просто не существовало. Если человек отказывался в это верить, то лишь потому, что подсознательно не желал признавать очевидное.

Перестав содрогаться от волнения, Цзянь Вэйдэ замер, не отрывая взгляда от Ли Жуна. Хватка на его руках ослабла, став мягкой, почти ласковой — словно он касался чего-то невероятного.

Была ли в этом логика?

Да, и самая подходящая. Это объясняло всё: и то, почему обычное дело о краже диска в итоге затронуло Ли Жуна, и то, как Сюй Вэй оказался в изгнании. Единственная причина, по которой профессор до сих пор не рассматривал этот вариант, заключалась в возрасте юноши. Биохимия — наука глубокая и сложная, а Ли Жун тогда был слишком мал.

Но стоило лишь принять один факт, как все сомнения развеялись: Ли Жун действительно был гением. Гением еще более редким и непостижимым, чем Ли Цинли и Гу Нун.

Он и раньше демонстрировал выдающийся интеллект. Даже после того, как его мир рухнул, он с абсолютным преимуществом поступил в Университет А по рекомендации. Он прогуливал занятия так часто, что по большинству предметов получил освобождение от посещения, но всё равно оставался лучшим на курсе.

Цзянь Вэйдэ не знал, какую эмоцию выразить: в его душе смешались гордость и горечь, но в итоге на лице застыла глубокая, гнетущая тревога.

«Чрезмерный ум несет лишь страдания — это не просто пустая фраза»

Ли Жун впервые чувствовал себя в таком замешательстве. В его глазах Цзянь Вэйдэ давно перестал быть тем добрым наставником из прошлого. Профессор явно что-то знал, но предпочел не вставать на сторону его родителей. Ли Жун не мог ему этого простить. Но он искренне не понимал, что означает теперешнее поведение собеседника.

Профессор тяжело вздохнул.

— Я верю тебе.

Он сам задал целый ворох вопросов, но Ли Жуну не пришлось произносить ни слова оправдания — Цзянь Вэйдэ больше в них не нуждался. Однако его тон мгновенно стал напряженным, он заговорил отчетливо, словно боялся, что юноша его не услышит:

— Но об этом... ты ни в коем случае не должен рассказывать никому другому.

Он не знал, доверяет ли ему еще Ли Жун, но был обязан приложить все усилия, чтобы уберечь его. Даже если юноша наделен сверхъестественным талантом, сейчас возобновлять Люйиньсюй было слишком рано. Непростительно рано.

— У меня нет привычки хвастаться направо и налево, — холодно отозвался Ли Жун. — Мне нужно лишь одно: чтобы вы передали мне Люйиньсюй.

Цзянь Вэйдэ почувствовал, какой стеной отчуждения отгородился от него юноша. Ли Жун слишком долго притворялся перед ним наивным и беззащитным, и профессору было трудно привыкнуть к этому новому, острому как бритва человеку.

Он твердо покачал головой:

— Нет.

Ли Жун слегка прищурился.

«Вы отказываете?»

В его голове уже начали прокручиваться варианты того, как можно надавить на профессора.

— Не в том дело, что я не хочу, — вздохнул Цзянь Вэйдэ. — Я просто не могу этого сделать.

Ли Жун издал короткий холодный смешок.

— Будущий директор Института «Хунсо», глубокоуважаемый профессор Цзянь, даже не имеет права подать прошение? Во всем научном сообществе нет человека, более подходящего для перезапуска Люйиньсюй, чем вы.

Морщины на лице профессора стали еще глубже. Он взял себя в руки и заговорил с отеческой настойчивостью:

— Ли Жун, разве препятствия на твоём пути устранены? Если ты сейчас начнешь исследования, чем твоя судьба будет отличаться от участи твоих родителей? Когда я говорю «не могу», это не от трусости. Это действительно невозможно. Сейчас никто не в силах подать заявку на возобновление работ, потому что проект скован тысячами голосов. Против него — одураченное общественное мнение!

Ли Жун стиснул зубы. Он еще сильнее побледнел, а в глазах полопались капилляры.

— И вы тоже знаете, что оно одурачено!

— Я знаю, что твое сердце полно ненависти, — встревоженно ответил Цзянь Вэйдэ. — Я понимаю твою боль, но гнев лишь делает человека безрассудным, заставляя терять ориентиры. Это не принесет будущего. Ты можешь считать меня трусом, можешь винить в желании избежать проблем, но пойми: в этом мире не все потеряли веру в справедливость. Просто пути к ней у всех разные. Тот, кто идет другой дорогой, не обязательно является твоим врагом.

Ли Жун промолчал.

Он и сам понимал, что порой бывает слишком резок и импульсивен. Как сегодня: не зная наверняка позиции профессора, он пришел сюда, кипит от ярости, и раскрыл часть своих карт.

Ему следовало быть спокойнее, расчетливее — если один план не сработал, нужно перегруппироваться и ждать подходящего момента.

В этом и заключалась главная несправедливость мира по отношению к жертвам.

Но он больше не мог ждать.

Биотехнологическая компания «Сухэ» запускает Суиньсюй, и они явно намерены строить свою рекламную кампанию на костях Люйиньсюй, используя кровь невинных покойных для собственного обогащения. Они действуют так нагло лишь потому, что уверены в своей безнаказанности: Люйиньсюй никогда не увидит свет, а значит, его можно безнаказанно топтать и использовать.

«Сухэ» возвела себя на пьедестал морали. Из-за дурной славы проекта родителей Ли Жуна никто не станет слушать его разъяснения и оправдания. Все его усилия рухнут под напором иррациональной ярости толпы. Стереотипы в сознании людей изменить почти невозможно.

Единственный способ — доказать делом. Если Люйиньсюй действительно исцелит больных. Это был самый веский и единственный действенный аргумент.

Однако Цзянь Вэйдэ сказал, что им не по пути.

В глазах у Ли Жуна потемнело, ноги стали ватными. Он поспешно оперся о стол профессора и, прикрыв рот рукой, глухо закашлялся. От резких спазмов в желудке снова вспыхнула колющая боль. Он мучительно нахмурился, его губы совсем обескровели.

— Что с тобой? — испугался Цзянь Вэйдэ. — Совсем недавно ты ведь был в порядке?

Сейчас Ли Жун напоминал догорающую свечу: его пламя было настолько слабым, что могло погаснуть от малейшего дуновения. Превозмогая дурноту, юноша закрыл глаза, а когда головокружение отступило, выпрямился. Он не стал прощаться с профессором, а просто развернулся и пошел к выходу.

Ничего страшного. В какие бы обстоятельства он ни попал, в какую бы бездну ни рухнул, он поднимется. Он обязан подняться.

Его ждет фальшивая «истина», которую нужно сокрушить, и чистые души, покой которых он должен защитить.

Ночь

На город опустилась ночь. Поднялся туман, и небо стало мутным, скрыв блеск звезд и луны. Стоя на улице, Ли Жун сделал глубокий вдох, ощущая тяжесть в легких от влажного холодного воздуха.

— Пойдем, — тихо сказал он Цэнь Сяо. — Завтра финал Линь Циня. Дела должны идти своим чередом.

Цэнь Сяо взглянул на его лицо и сразу понял, что Цзянь Вэйдэ не согласился. Ли Жун был на пределе сил, и Цэнь Сяо так и не решился пересказать ему содержание недавнего разговора с Чжай Нин.

Завтра вечером Чжэн Чжупань пригласил Чжай Нин на торжественный ужин руководства компании «Сухэ». На этом банкете планировалось официально подписать контракт о сотрудничестве с Центральной больницей «Цзяцзя», и суть этого соглашения, разумеется, касалась готовящегося к запуску препарата Суиньсюй.

Чжэн Чжупань всегда завидовал тому признанию и выгоде, которые когда-то получил Ли Цинли благодаря своему проекту. Эта жгучая зависть не давала ему покоя, и теперь он решил «отсечь лишнее и оставить лучшее» — использовать наработки предшественника, манипулировать общественным мнением и извлечь максимальную прибыль. Чжай Нин, обладавшая безупречной репутацией гуманного врача, была идеальным партнером для этого дела.

«Чжэн Чжупань уже подготовил пресс-релизы, — сообщила Чжай Нин по телефону. — Он подкупил множество авторитетных лиц в медицине, фармакологии и даже в сфере воспитания детей. В момент объявления о сотрудничестве с нашей больницей будет запущен хэштег [#Научные исследования: где упал, там и вставай#]. Это станет началом новой волны травли Ли Цинли и Гу Нун»

Цэнь Сяо тогда ответил:

— Я свяжусь с Первым районом Ланьшу, чтобы они подготовились. Мы не дадим этой теме разрастись.

Чжай Нин лишь горько усмехнулась:

— Раньше я не знала о таких методах, а теперь мне просто противно. В «Размышлениях» есть фраза: «Всё, что мы слышим — это мнение, а не факт. Всё, что мы видим — это точка зрения, а не истина». Когда я осознала глубину этих слов, начались мои мучения.

— Спасибо, что предупредила, — произнес Цэнь Сяо.

Сейчас он обнимал Ли Жуна, мягко поглаживая его по спине и прижимаясь губами к его

ледяному уху.

— Я нашел неплохую комедию. Давай посмотрим ее вечером вместе.

Ли Жун прислонился к нему и кивнул. Ему совсем не хотелось смотреть комедии, но он понимал, что ему нужно искать пути для исцеления.

На огромном уличном экране Института «Хунсо» сменялись цифры. Было ровно восемь вечера. До финала телешоу оставалось 22 часа.

<http://bllate.org/book/15351/1571800>